

**БОРИС
ХАНУКЛАЕВ**

САМ

БОРИС ХАНУКАЕВ

САМ

Стихи

МАХАЧКАЛА ДАГУЧПЕДГИЗ 1990

Борис Михайлович Ханукаев

САМ

Редакторы **А. В. Редько, Е. С. Евлампиева**
Художник **М. Ш. Муталибов**
Художественный редактор **М. Ш. Муталибов**
Технический редактор **Р. Ю. Бутгаева**
Корректор **Е. К. Абдулаева**

Слано в набор 03.09.90. Подписано в печать 12.10.90. Формат 70х90_{1/32}. Бум. типогр. № 1 Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л. 1.02. Уч.-изд. л. 0,63. Тираж 3000. Зак. № 3970. Цена 70 к.

Дагестанское учебно-педагогическое издательство
Госкомиздата ДАССР, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Типография № 7 Госкомиздата ДАССР, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

© Б. М. Ханукаев, 1990

© Дагучпедгиз, оформление, 1990

X 90
 М 124(03) — 90 за счет средств автора

ISBN 5—7437—0435—X

* * *

Кровно связан с тобой, Моисей,
Я душою объял всю планету.
Альтруист, я иду к Магомету
С бескорыстной дружбой своей.

Вижу брата по духу в Христе
На извечном пути и недолгом,
Ведь и сам я распят на кресте,
Сотворенном любовью и долгом.

Безумием объят,
 он в раскаленный день
Мечтает выйти в путь,
 покинув тени сень.
Хранить его, господь,
 возьмешься ты едва ли,
И он сгорит вблизи,
 стремясь к заветной дали.
Скажи хоть, как унять
 то буйство, что в крови?
Адепт Меджнуна он
 и Вечный Жид Печали,
Молчанье дали той
 ему как зов Любви.

* * *

Тебя любить — сорвать рутины нити.
Тебя любить — оковы рабства сбить.
Тебя любить — из плена тленья выйти
И в море жизни вольным стилем плыть.

Тебя любить — жить ощущеньем риска.
Тебя любить — в паденье рваться ввысь.
Тебя любить — подняться к музе близко
И не упасть в расчетливую жизнь.

Тебя любить — со смертью обвенчаться,
В ночи любви все звезды погасить,
И если в ней сверкнет искринка счастья,
Убить себя... и снова воскресить.

* * *

Этот сон — он дар природы!
На глазах чинуш, подруг
В центре площади Свободы
Обняла меня ты вдруг.

И сказала: «Сумасшедший!
Я такая же, как ты.
Не убьет мой ум прозревший
Дерзновенные мечты.

Пусть глядят на нас: правитель,
Адвокат, судья, холуй...
Ты — души любимый житель,
Принимай мой поцелуй».

И прижалась чудным телом,
Губы жаром обдала.
Наша пара вмиг взлетела
И свободу обрела.

И узрела: во всесилье
Город самых ловких дел.
Он, как мы, расправить крылья
Верно б мог, но не посмел.

Свободная беседа
о плебейских душах
у площади Свободы,
несвободной от
страдающих не СПИДом,
а, наверно, хуже —
аморфной верой в правду,
которой нужен ход.
Но в мировой игре
ложь более горазда.
Надежда лишь на то,
что милая им правда
еще чуть-чуть нажмет
и в них отыщет брата.

ПРОВОДЫ НА ДЕРБЕНТСКОМ ВОКЗАЛЕ

Мадриду Мирзеханову,
воину-интернационалисту,
борящемуся за установление в Дербенте
обелиска погибшим «афганцам».

В груди, как осколок, щемящая боль
О нашей сегодняшней были.
Мы проводы те в диалоге с тобой
Дыханием совести мыли.

Слова, для стихов набиравшие ход,
Покоя душе не давали.
Составы, как узники на эшафот,
Пошли в неизвестные Дали.

Вот так же и тех бессловесных ребят,
Что ныне навеки немые,
Послал добросовестный военкомат,
Исполнив приказ не впервые.

Молчали они. И «Афгану» несли
Не то, что им было по нраву.
И лишь академик, как совесть Земли,
Вещал настоящую правду.

Он скромно погиб, завещая печаль
Открыть несконфуженной были.
Пора обелисками в мир закричать:
«Ребята, мы вас не забыли!»

* * *

Костер разгорелся.

Лучина одна

Качнулась.

С мангала упала она,

Я голос услышал ее,

что изрек:

«За что же меня

так преследует рок?

За что мне велит

отщепенцем истлеть,

Когда я со всеми

желаю сгореть?!»

* * *

Стояла белая береза,
С ветрами спорила она,
Непобежденная морозом,
С весной зеленою дружна.

Она спасительной прохладой
Была готова услужить,
Чтобы все то, что было рядом,
Могло горячим летом жить.

Все глубже уходили корни,
Чтоб выше стать она могла,
Чтоб крона, ставшая просторней,
Заметней издали была.

Вдруг пилы взвыли на рассвете,
И рухнул ствол, задев зенит.
Но в памяти моей как прежде
Береза белая стоит.

Дни одиночества в шумном кругу сослуживцев,
Грозные ночи с дамокловым лунным мечом,
Робкие пробы с тобою навек подружиться,
Юности лепра, горящая в сердце моем.
Разве все это позволит поэтом веселья,
А не печали слугу твоего называть?
Искренность плачет во мне, как монахиня в
 келье,
Просит свободу немедленно ей даровать.
Я выпускаю ее из темницы души.
Сердцем горячим безверье в себе потуши.

* * *

Ломая лед, ручей был смел.
Он страстно рвался к воле.
И вот запрыгал, зазвенел
И был собой доволен.

Смотрело солнце на ручей
И улыбалось в высях.
Взяло в объятие лучей,
А он, дурашка, высох.

ЭЛЕГИЯ

Экстравагантная. загадочная осень
Блондинкой превентивной на пути
Роняет слезы, беспрестанно просит
К моей брюнетке нынче не идти.

«Я Вас прошу: слезами брать не надо! —
Кричу душой, что сам я оросил. —
Мне непонятна ваша эскапада,
А без брюнетки день любой не мил».

Блондинка мне в ответ бросает дерзко:
«Брюнетка дня ночами не твоя.
А что есть день? Фрагмент лишь,
а не фреска
Вакханки жизни в храме бытия.
Пойдем со мной. И как поющий дождь,
Певец любви, ты вечность обретешь.»

* * *

Я такого хлесткого фиаско
Никогда во флирте не терпел.
И лицо мне заливает краска,
И душа стыдится антител.

Нет, души своей я не корректор,
Коли не творил, а вытворял.
И теперь я вне когорты тех, кто
Вместе с сердцем тело покорял.

* * *

О как с этой куклой играли!
Ласкали и нежили как!
В постель белоснежную клали,
Рядили в парчу и шелка.

Но люди ее отлюбили,
На мусорной свалке она,
И мухи ее облепили,
И юбка у ней задрана.

* * *

Стучат часы,
Умелою рукой
Стучат часы.
А песнь моя
Нет силы ни рукой,
На миг хоть оживить
А вот часы стучат...
что миг назад молчали:
вернул им непокой.
В их ритме нет печали,
пропитана тоской.
ни строчкою, что льется,
то сердце, что не бьется.
и славят мир такой!

* * *

Давай уйдем с тобой от этих сытых морд,
От наглых их рабов, качающих права.
Пока не с ними ты, и я как прежде горд,
В поступках оживим заветные слова.

Отвергнем все дворцы бессмысленных интриг,
Где маски вместо лиц и куклы вместо нимф.
И превратим наш мир не в смертоносный ринг,
А в храм любви, где жизнь как лучезарный
нимб.

На путь моей мечты ступи же поскорей:
Я уведу тебя от призрачных побед.
Озябшая душа, согрейся. Я — твой Грэй.
Я грез твоей любви отчаянный поэт.

* * *

Ты не поймешь меня. Как эта мысль горька!
Не ты меня поймешь. Что может горше быть?
Что ж я не уйду? Ведь чувствую: тонка
Запутавшихся душ связующая нить.

ПРОЩАЛЬНОЕ ТАНГО

Дай руку мне. Станцуем танго мы.
Пусть музыка все горести разгонит.
И хоть запляшут ныне слуги тьмы,
Их пыль — лишь пыл предсмертных мук —
агонии.

Я оптимист. Я осушил бокал
Коктейля: Случая, Любви, Печали.
Хоть опьянел, как видно, не упал,
А танцевать с тобой мы все же встали.

Прощанья танго. В ком душа горит,
Вздыхать, стонать и плакать перестаньте,
Ведь в этом танго бьется жизни ритм,
В последний раз прильните к милым в танце.

Как облака, года уходят вдаль,
И человек какого б ни был ранга,
К Любви идет. И ей ничуть не жаль
Кому-то Счастье дать, кому-то — Танго.

* * *

Сорок черных ночей
 принесла тебе ранняя осень.
Упорхнув вороньем,
 возвратились они и кричат.
Седина свою кисть над твоей головою заносит,
А над сердцем
 расправу
 украдкою чинит Печаль.
Но на карте Любви
 и на атласе Добрых Примет
Новый путь уж Надеждой
 начертан тебе как Завет.
Если всмотришься ты,
 там найдешь озаряющий свет.

ВРЕМЯ

Что в прошлое ушло,
 то не забыто.
Но что ушло
 теперь не так остро,
Воспрянув не из пепла,
 а из быта,
Я вновь в мажор
 макнул свое перо.

Ведь все проходит.
И птицей залетев
Одним крылом
И радости приносит
Однажды в дом,
нам слезы утирает
на другом.

ИЗ ЦИКЛА «МАСТЕРУ ТАКУБОКУ»

1

Спасибо, мудрое море,
Ты сумело со мной помолчать.
Это сделать никак не могла
Говорливая,
Мелкая речка.

2

Лишь от берега вдали
Я понял, что значит —
Думать о других.
Я думал о тех, кто заплачет,
Если не выплыву вдруг.

3

Море — звучащее фортепиано.
Волны пенные — клавиатура.
Слушаю снова концерты Чюрлениса
Ночью
На берегу...

4

Я только сейчас догадался,
Что солнце — великий художник!
Нас мастерски
В бронзовый цвет оно красит
У синего южного моря.

5

Сквозь солнце — дождик.
То тучка капризничает,
Или Каспий, резвясь,
Под душем полдненным
Купается?

6

О море,
Меня обнимающий друг!
С тобой наедине побыв,
Человеку зло простил я
И выплыл .. на людный берег.

СПОР

1

Спал Человек холодной ночью.
Но не спалось Власти,
Которой был он наделен.
И у камина устроилась она,
Решив погреться.
Немного погодя,
И Сила Рук его и Красота Лица
Присели у камина.
К ним обратилась Власть
С надменностью владыки:
«Ну что, собрались, гномы.
Под теплое мое крыло?
Ей тотчас Сила Рук в ответ:
«Что ты сказала? Гномы?
Не мною ль ты, ничтожная, добыта?
Не будь меня, тебе б вовек не жить.
Одним ударом я
Могу тебя прихлопнуть».
Да-а, можешь, — съехидничала Власть. —
Но не в твоей то власти!»
«Ну что вы спорите, — понять я не могу, —
Вмешалась Красота Лица. —
Со мною вам сравниться ль?
Не мною ль поразившись,
Теряют силу рук
Те, кто имеет власть?»

«Ну нет! — взбесилась Власть. —
Ты надо мною не имеешь Власти.
Тобой была покорена Любовь.
Но ею ведь пожертвовал
Хозяин наш прелестный,
Чтоб высоты достичь
Заветной —
Власть имущих!»
Победно Власть соперниц оглядела
И взгляд перевела на печь.
Дрова там догорали...

2

От холода проснулся Человек.
Проснулась наконец и Совесть.
Лучами глаз она достала трех соперниц.
Власть побледнела.
Смутились Красота Лица и Сила Рук.
А Совесть обратилась к Человеку:
«Ты долго спал.
И верно, что сейчас, проснувшись,
Еще ты спишь.
Но знай: пришла пора,
Чтоб окончательно проснуться».
И удивился Человек:
«Ты кто такая?
Тебя я что-то не припомню.
Хотя... быть может... где-то и встречал
Иль был знаком?
А впрочем, что мне до того?
Мне спать приятно.
Ступай-ка себе прочь.
Мне некогда с тобой возиться».
«Я спать тебе не дам, — сказала Совесть. —
Ты должен вырваться из плена сновидений».

«Что ж это? — вскрикнул Человек. —
Никак не вспомню, кто ты такая!
А может быть, ты — Честь?
Но с нею я расстался.
Нет, ты — не Честь. Но на нее похожа».
«Да, я на Честь похожа.
А ты
И с Памятью, как видно, не в ладах.
Но ты не все забыл
И хочешь спать, чтобы забыться.
Все это оттого, что стал вожжою ты
В руках у Власти».
«Но-но! Потихе. Ишь ты размахалась! —
Вмешалась Власть. —
Да! Мой он! Мой!
Я подняла его над всеми.
А ты! Сейчас же на колени станешь».
«Да-да! — воскликнул Человек. —
Сначала на колени стань,
И лишь потом
Веди со мною разговор».
«Нет. Никогда», — ответила сурово Совесть.
«Эй, Сила Рук, примись-ка за нее!»
Но Сила Рук, изрекши: «Тщеславный
Человек!»
Покинула его.
И в теле тут же появилась Слабость.
И Человек упав, заплакал от бессилья.
«Не плачь, — сказала Совесть. —
Еще есть шанс, чтоб ты поднялся.
Душа поможет. Она —
Источник Красоты — великой Силы».
«Не то ты говоришь, — заметил Человек. —
Вот Красота моя».
Но Красота Лица, промолвив:
«Бездушный Человек», — исчезла.

Власть дождалась момента своего.
Спиною к Человеку повернувшись,
Она сказала:
«Бессильный, безобразный Человек.
Ты низко пал. А я
Привыкла жить на высоте.
С тобой отныне нам не по пути».
И поспешила Власть уйти.
«Бессовестная Власть», — промолвил Человек.
«Других коришь, — сказала с болью Совесть.
А о своей-то Совести ты вспомнил?»
«А-а-а, Совесть... Тебя узнал я.
Я не убил тебя, так ты... меня... убила».

1978 год

СОДЕРЖАНИЕ

«Кровно связан с тобой, Моисей»	3
«Безумием объят»	4
«Тебя любить»	5
«Этот сон»	6
«Свободная беседа»	7
Проводы на дербентском вокзале	8
«Костер разгорелся»	9
«Стояла белая береза»	10
«Дни одиночества»	11
«Ломая лед»	12
Элегия	13
«Я такого хлесткого фиаско»	14
«О как с этой куклой играли»	15
«Стучат часы»	16
«Давай уйдем с тобой»	17
«Ты не поймешь меня»	18
Прощальное танго	19
«Сорок черных ночей»	20
Время	21
Из цикла «Мастеру Такубоку»	22
Спор	24

Ц. 70 к.